

ДРЕВНЕРУССКИЙ ГРУНТОВЫЙ МОГИЛЬНИК У ПОСЕЛКА ДЕРЕВЯНИЦЫ ОКОЛО НОВГОРОДА

Вопрос о месте древнерусских грунтовых могильников в развитии погребального обряда в центральных районах Новгородской земли, поставленный еще в начале XX в.,¹ до сих пор не получил окончательного решения. Главная причина этого заключается в недостаточности источниковедческой базы. Так, со времени выхода в свет статьи А. А. Спицына объем информации о данной категории памятников пополнялся лишь сведениями о случайных находках или за счет исследований, крайне незначительных по объему.²

Однако в последние годы были проведены раскопки Деревяницкого могильника,³ который является наиболее крупным из исследованных древнерусских грунтовых могильников на Северо-Западе. Полученный материал существенно расширяет наши представления об этом пласте древностей. Результаты работы представляют интерес еще и потому, что данный памятник расположен около Новгорода, т. е. в самом центре Новгородской земли. Происходившие здесь на рубеже I—II тыс. н. э. сложные социальные и этнокультурные процессы имели значение, далеко выходящее за рамки городской округи. В связи с этим отдельные выводы, сделанные на материалах Деревяницкого могильника, нельзя не учитывать при решении более общих проблем погребальных памятников Новгородской земли в древнерусскую эпоху.

Деревяницкий могильник входил в состав комплекса археологических памятников, включающего, кроме него, селище с лепной и гончарной керамикой и остатки сопки. Он расположен в 6 км к северу от Новгорода, на правом берегу р. Волхов. Сведения о селище были приведены уже в начале 60-х гг. в статье С. Н. Орлова и М. М. Аксенова.⁴ Осенью 1974 г. Е. Н. Носов расчистил в разрезе карьера, заложенного на возвышенном участке поля, примыкавшем к селищу, погребение, при котором было найдено проволочное височное кольцо. Сведения о погребении были сообщены в Новгородский музей. Туда же была передана и находка.

¹ Спицын А. А. Старейшие русские могильники в Новгородской области. — ИАК, 1905, вып. 15, с. 1—5.

² Орлов С. Н. вновь открытый раннеславянский могильник в Старой Ладог. — КСИИМК, 1956, № 65, с. 98; Петренко В. П. Раскопки сопки в урочище Победище близ Старой Ладог. — КСИА, 1977, № 150, с. 55—62; Конецкий В. Я. Нередидский могильник. — КСИА, 1981, № 164, с. 83—86.

³ Конецкий В. Я., Верхорубова Г. А. Работы Новгородского музея. — Археол. открытия 1978 г. М., 1979, с. 16—17; Конецкий В. Я. Исследования грунтовых могильников и сопок в Приильмень. — Археол. открытия 1979 г. М., 1980, с. 11—12.

⁴ Орлов С. Н., Аксенов М. М. Раннеславянские поселения в окрестностях Новгорода. — Новг. истор. сборник. Новгород, 1962, вып. 10, с. 161—168.

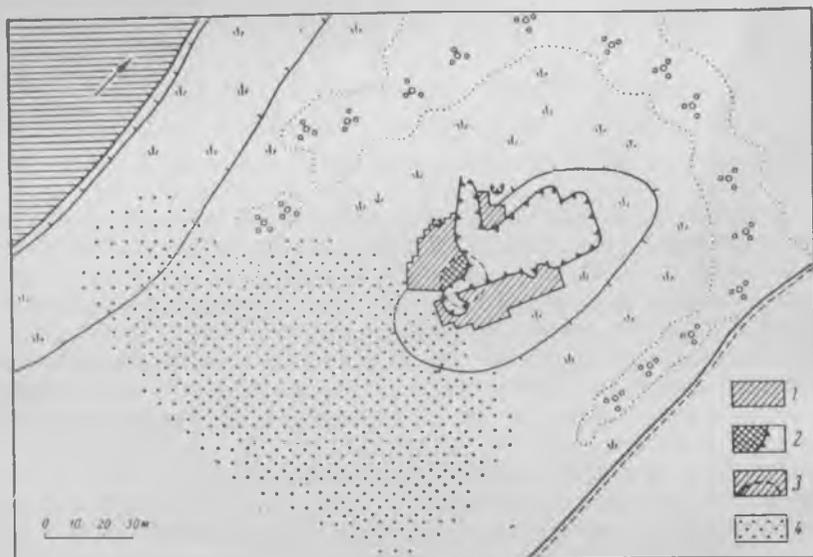

Рис. 1. Деревяницкий могильник.

1 — вскрытая площадь; 2 — разрушенный участок в пределах раскопа; 3 — границы сопочного останца; 4 — территория селища.

Весной 1977 г. данный памятник осматривался сотрудниками Новгородского музея, при этом в стенах карьера вновь было зафиксировано несколько костяков. Поскольку могильник продолжал разрушаться, было решено провести охранные раскопки (рис. 1).

В 1977—1979 гг. была вскрыта площадь около 700 кв. м на трех раскопах, примыкающих к карьеру, и зафиксировано 120 погребений по обряду труположения. С учетом территории, уничтоженной карьером, а также части раскопа 1, где верхний слой, содержащий погребения, был снят бульдозером, количество захоронений, имевшихся до разрушения, по отношению к сохранившимся следует считать в 2—3 раза большим.

В процессе раскопок выяснилось, что могильник располагался в основном на остатках предварительно сивелированной сопки, от которой сохранился материковый останец диаметром около 18 м, окруженный рвом шириной 6—9 м и глубиной до 1.5 м. Во рву зафиксированы вымостки из мелких булыжников, окружающие останец со всех сторон. При разборке камней найдены многочисленные фрагменты лепной керамики и различные предметы, датируемые VIII—X вв. В слое мешанного песка, с которым были главным образом связаны погребения по обряду ингумации находились также отдельные кальцинированные кости и оплавленные вещевые находки из разрушенных сопочных погребений.

Среди исследованных погребений по обряду группового захоронения 86 сопровождалась вещевым инвентарем. Согласно хронологии древностей, происходящих из раскопок в Новгороде,⁵ а также из курганов Северо-Западной и Северо-Восточной Руси,⁶ вещевые комплексы Деревяницкого могильника разделены на четыре хронологические группы.⁷ За время возможного образования комплекса принимается хронологический период, в течение которого могли сосуществовать все составляющие данный комплекс вещи.

Инвентарь мужских погребений, что обычно для древнерусских погребальных памятников, значительно скуднее, чем женских, и вещевые комплексы из мужских погребений являются хронологически более расплывчатыми, чем таковые из женских.

В нескольких парных захоронениях датировка мужских погребений уточнена в соответствии с хронологией связанных с ними женских погребений.

Первая группа (XI в.) состоит из 14 погребений, сопровождавшихся типами предметов, бытование которых не выходит за рамки XI в. Кроме того, сюда отнесены два мужских погребения, парных с женскими, принадлежащими к данной группе.

Хронологически определяющими находками для этого периода являются прежде всего арабские и западноевропейские монеты. Хотя на случаи длительного сохранения в быту привесок, сделанных из монет X—XI вв., указывалось в литературе,⁸ тем не менее в комплексах моложе XI в. они встречаются крайне редко.⁹

Среди бус к определяющим для этой группы отнесены мозаичные многогранные, пастовые бочонкообразные оранжево-желтые, а также печеночно-красные, которые встречаются и в форме призматических. Кроме того, не позднее XI в. были распространены различные формы лимонок, темно-синих зонных двойных и трой-

---

⁵ *Седова М. В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода. — МИА, 1959, № 65, с. 223—261; *Рындина П. В.* Технология производства новгородских ювелиров. — МИА, 1963, № 117, с. 200—268; *Шапова Ю. Л.* 1) Стекланные бусы древнего Новгорода. — МИА, 1956, № 55; 2) Стекло Киевской Руси. М., 1972, с. 73—96; *Колчин Б. А.* Железодельное ремесло Новгорода Великого. — МИА, 1959, № 65, с. 48.

⁶ *Фехнер М. В.* К вопросу об экономических связях русской деревни. — В кн.: *Очерки по истории русской деревни XI—XIII вв.* М., 1959, с. 149—224 (Труды ГИМ, вып. 33); *Левашова В. П.* Височные кольца. — В кн.: *Очерки по истории русской деревни XI—XIII вв.* М., 1967, с. 7—15 (Труды ГИМ, вып. 43); *Успенская А. В.* Нагрудные и поясные привески. — Там же, с. 55—87; *Мальм В. А., Фехнер М. В.* Привески-бубенчики. — Там же, с. 133—148; *Недошивина И. Г.* Перстни. — Там же, с. 253—274.

⁷ Более подробное обоснование датировок некоторых категорий предметов см.: *Конечный В. Я.* Хронология и этапы формирования Федовского могильника. — КСИА, 1981, № 166, с. 90—95.

⁸ *Погин В. М.* Находки монет в погребениях Древней Руси и их значение для археологии и этнографии. — Труды Гос. Эрмитажа. М., 1971, т. XII, с. 59—119.

⁹ *Равдина Т. В.* Археологические замечания к пумизматическим работам. — СА, 1975, № 1, с. 316—329.

ных; сердоликовые призматические и хрустальные многогранные бусы.¹⁰ В шести погребениях встречаются по нескольку типов украшений, характерных для XI в.

Вторая группа (XI—середина XII в.), хронологически более распылчатая, чем первая, включает в себя 33 погребения. В рамки этой группы укладывается время существования ряда типов украшений из металла. Сюда относятся плоские зооморфные привески — амулеты, крестопрорезные бубенчики, широко-серединные завязанные перстни.¹¹

Важную роль для выявления комплексов этого периода играют золотостеклянные бусы. В курганах Северо-Западной и Северо-Восточной Руси, по данным М. В. Фехнер, они исчезают в начале XII в.¹² В слоях древнего Новгорода такие находки известны на протяжении всего XII в. Однако, как показали исследования Ю. Л. Шаповой, все золотостеклянные бусы делятся по технологии производства на три типа. Последний из них составляют бусы русского производства, собственно говоря, псевдозолотостеклянные, поскольку в них использована серебряная фольга, отличающиеся от прочих, кроме того, и по составу стекла. После середины XII в. в Новгороде бытует исключительно этот тип бус.¹³ Выделение его из общей массы золотостеклянных бус Деревяницкого могильника не представляет труда, поскольку он имеет гораздо худшую сохранность, что обусловлено иным составом стекла и характером грунта могильника. Поэтому принятие за верхнюю границу существования собственно золотостеклянных бус середины XII в. представляется вполне оправданным.

Во вторую хронологическую группу включены и мужские погребения, сопровождавшиеся инвентарем. Характерными здесь являются трехслойные железные ножи, которые, как показывают массовые новгородские находки, около середины XII в. заменяются другим типом.¹⁴ В начале XII в. исчезают также калачевидные кресала с язычком.¹⁵ Несколько сложнее обстоит дело с определением верхней даты лировидных пряжек, известных главным образом для XI в.,¹⁶ по встречающимся и в безусловных комплексах XII в.¹⁷ Пряжки с прямоугольным основанием и расширен-

¹⁰ Фехнер М. В. К вопросу об экономических связях русской деревни..., с. 152, рис. 1: 2; с. 157, рис. 2: 4; с. 167, рис. 5: 1—3, 5, 17, приложение I; Шапова Ю. Л. Стекло древнего Новгорода, с. 166—167, 173—175.

¹¹ Успенская А. В. Нагрудные и поясные привески, с. 55—87; Мальм В. А., Фехнер М. В. Привески-бубенчики, с. 142—145; Недошина Н. Г. Перстни, с. 265—272.

¹² Фехнер М. В. К вопросу об экономических связях..., с. 158.

¹³ Шапова Ю. Л. Стекло Киевской Руси, с. 87.

¹⁴ Колчин Б. А. Железоделательное ремесло Новгорода Великого, с. 48.

¹⁵ Там же, с. 103.

¹⁶ Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода, с. 258; Спицын А. А. Владимирские курганы. — ИАК, 1905, вып. 15, с. 353.

¹⁷ Комаров К. И. Новые раскопки Купанского могильника. — КСИА, 1975, № 144, с. 94.

ным приемником в Новгороде известны в слоях конца XI—начала XII в.¹⁸

К этой же группе отнесены и 2 погребения, сопровождавшиеся горшками. Такая датировка обусловлена как хронологической шкалой новгородской керамики,¹⁹ так и самим элементом обряда, еще не потерявшего связи с язычеством.

Третья группа (XII в.) насчитывает 17 погребений. Она базируется на наличии в комплексах немногочисленных вещей моложе рубежа XI—XII вв. Так, из перстней представляют интерес рубчатые, известные с начала XII в.²⁰ В это же время или чуть раньше появляются шарообразные бубенчики с тройным рельефным валиком.²¹ Немногочисленным является и набор бус, среди которых для датировки наибольшее значение имеют зонные желтые и битрапециальные голубые.²² Появляются еще в XI в., но бытуют в основном в XII в. черные эллипсоидные бусы с белым узором.²³ К XII—XIII вв. относится массивная литая бронзовая бусина, состоящая из двух половинок, датируемая так по аналогиям из курганов Изжорского плато.²⁴

Скудость погребального инвентаря в некоторой степени компенсируется появлением в комплексах этой группы новых элементов в одежде. Речь идет о бронзовых пуговицах и фрагментах ткани, шитой главным образом золотой нитью, представляющих собою остатки воротников. Эти детали одежды встречаются в памятниках XII—XIII вв. во многих районах при почти полном отсутствии вещевого инвентаря и украшений.²⁵ Пуговицы в погребениях Деревяницкого могильника однотипны: господствуют грибообразные литые, лишь в одном случае встречен экземпляр из стекла с проволочным ушком.

К четвертой группе, условно датируемой XI—XII вв., но которая реально скорее всего совпадает по времени с третьей, отнесены погребения, содержащие единичные предметы, не имеющие более узкой даты. Чаще всего это перстнеобразные проволочные височные кольца. Хотя такие кольца доживают до XIII в.,²⁶ тем не менее нет оснований считать, что погребения с этими украше-

¹⁸ Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода, с. 258.

¹⁹ Смирнова Г. П. Опыт классификации керамики древнего Новгорода. — МИА, 1956, № 55, с. 238—248.

²⁰ Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода, с. 255; Рындина Н. В. Технология производства новгородских ювелиров, с. 240.

²¹ Рындина Н. В. Технология производства новгородских ювелиров, с. 244; Мальм В. А., Фехнер М. В. Привески-бубенчики, с. 137.

²² Шапова Ю. Л. Стекланные бусы древнего Новгорода, с. 167—168, 170.

²³ Шапова Ю. Л. Стекло Киевской Руси, с. 91.

²⁴ Спицын А. А. Курганы С.-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского. — МАР, 1896, № 20, табл. XVI, 8; Спицын А. А. Гдовские курганы в раскопках В. Н. Глазова. — МАР, 1903, № 29, с. 119.

²⁵ Недошивина И. Г. Курганный могильник у д. Маклаково. — В кн.: Археология Рязанской земли. М., 1977, с. 213—215; Спицын А. А. Набутовский могильник. — ЗОРСА, 1905, т. 7, вып. 1, с. 1.

²⁶ Левашова В. П. Височные кольца, с. 40.

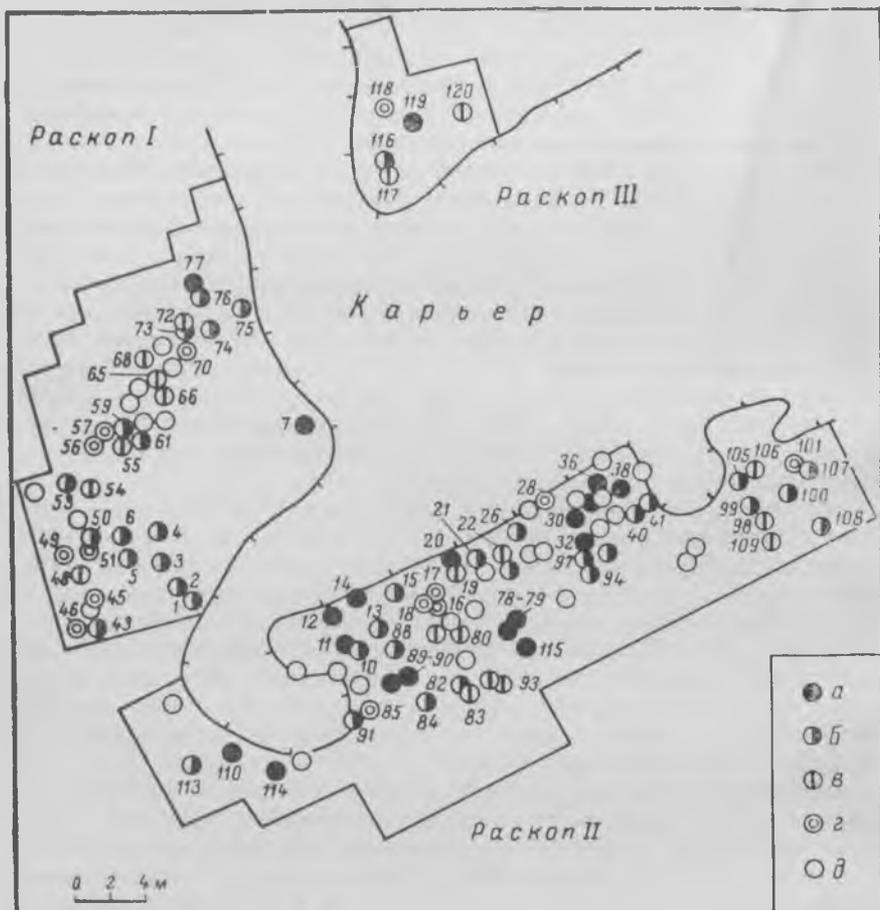

Рис. 2. Хронологические группы погребений Деревяницкого могильника.
а — погребения I группы (XI в.); *б* — погребения II группы (XI—середина XII в.);
в — погребения III группы (XII в.); *г* — погребения IV группы (XI—XII в.); *д* — безы Inventарные погребения.

ниями, как и вообще погребения с инвентарем в Деревяницком могильнике, выходят за рамки XII в.

Об этом свидетельствуют и относительно малое количество погребений XII в., и полное отсутствие в погребениях вещей моложе рубежа XII—XIII вв.

Выделение указанных групп позволяет в какой-то степени представить динамику роста могильника. Правда, их хронологическая близость, частичное перекрывание друг друга, а главное — раннее исчезновение вещевого инвентаря в погребениях сужают возможности выявления четких временных граней. В этой связи существенное значение приобретает противопоставление погребений

ний, содержащих инвентарь, безынвентарным, которые несомненно в массе своей являются более поздними.

Картографирование погребений по хронологическим группам позволяет конкретизировать процесс формирования территории могильника (рис. 2). Так, погребения I группы встречаются только на территории, сформировавшейся в результате нивелировки сопки, т. е. в слое аморфного песка. Они образуют главным образом несколько скоплений на различных участках раскопа II. В северо-восточной его части расположено пять таких погребений, подобная картина наблюдается и на северо-западном участке этого раскопа. Вероятные остатки таких же сгустков зафиксированы у края карьера.

Погребения II группы иногда встречаются вместе с погребениями I группы, что обусловлено их хронологией, а также образуют порой компактные скопления, как в восточной части раскопа I. Эти погребения выходят за пределы искусственной насыпи в восточном направлении. Здесь, на территории раскопа II, зафиксировано девять погребений, расположенных несколько обособленно. Большая часть из них отнесена ко II группе, хотя здесь же представлена и III группа.

В целом погребения XII в. (III группа) разбросаны по площади могильника на местах, до той поры остававшихся свободными, без особой системы. Это же характерно и для погребений IV группы.

Главной особенностью распространения безынвентарных погребений является сужение территории, занятой ими. Эти погребения встречаются лишь в пределах искусственной насыпи.

Приведенные факты позволяют говорить, что формирование территории могильника на разных этапах его существования определялось различными тенденциями. Основным исходным фактором, определившим ход этого процесса, была невысокая плоская насыпь диаметром около 36 м, слегка вытянутая с юго-запада на северо-восток, которая образовалась в результате нивелировки сопки. Это достаточно четко очерченное пространство было основным местом для устройства захоронений. Выявленные сгустки погребений XI в. в разных частях этой территории свидетельствуют о том, что уже с самого начала функционирования могильника сложилось несколько ядер, разделенных свободными промежутками. Потребность в четком отграничении друг от друга отдельных сгустков погребений была столь велика, что на рубеже XI—XII вв.—первой половины XII в. сформировалось скопление погребений к востоку от основной территории могильника и его площадь достигла максимальных размеров. Причину этого, очевидно, следует видеть в том, что в XI—первой половине XII в. община, оставившая этот памятник, состояла из нескольких достаточно независимых друг от друга коллективов, каждый из которых хоронил своих членов на особых участках.²⁷

²⁷ Членение погребений на группы, разделенные свободным пространством, имеет место и на других древнерусских грунтовых могильниках

Однако в течение XII в. эта особенность исчезает, в дальнейшем всех умерших хоронят лишь в пределах искусственной насыпи, в результате чего используемая площадь могильника уменьшается. Интенсивное использование свободного пространства между ранее занятыми участками привело к высокой плотности погребений, хотя следы первоначальных свободных промежутков сохранились в кв. 14—29—30 и 10—19—37.

Остается неясным вопрос о времени освоения западной части могильника. Отсутствие здесь ранних погребений заставляет считать, что они либо разрушены впоследствии более поздними захоронениями, расположенными здесь особенно плотно, либо этот участок, примыкающий к поселению, до XII в. оставался свободным и лишь с этого периода стал использоваться при совершении погребений.

Где-то на рубеже XII—XIII вв. или в начале XIII в. могильник перестали использовать для захоронений. Поскольку для данного периода в погребениях отсутствует датирующий материал, косвенным аргументом для обоснования этой даты может быть относительно небольшое количество безыскусственных погребений, которые начинают доминировать примерно с середины XII в. Другим подтверждением этого является наличие в западной части могильника слоя керамики, представляющего собой, очевидно, отходы гончарного производства и перекрывающего часть погребений. Анализ керамики из этого слоя показывает, что она относится к XII—XIII вв. Следовательно, поселение продолжало существовать и после того, как могильник был заброшен.

Материалы Деревяницкого могильника позволяют рассмотреть отдельные элементы погребального обряда, а также измешение некоторых из них во времени. Частота погребений, вследствие чего они нередко нерезали друг друга, и связь основной части могильника с подсыпкой мешанного песка затрудняют выявление могильных ям. Ямы прослежены лишь в немногих случаях, когда их заполнение по цвету несколько отличалось от окружающего грунта (погр. 19) или они углублены в материк, как это зафиксировано в восточной части могильника. При этом длина ям достигала 2,3 м, ширина — 1,6 м, а глубина, если считать от современного уровня дневной поверхности, не превышала 0,5—1 м. Более чем в 30 погребениях были зафиксированы остатки гробов, сохранившихся в виде полоски древесного тлена. Длина гробов

Новгородской земли, где проводились регулярные исследования, например Фодовском и Староладожском. Полностью аналогичная ситуация отмечена на многих западнославянских грунтовых могильниках X—XII вв. между Одером и Эльбой. Появление таких групп связывается там с возникновением больших семей патриархального типа. См.: *Herrmann I. Siedlung, Wirtschaft und gesellschaftliche Verhältnisse der slawische Stämme zwischen Oder/Neisse und Elbe*. Berlin, 1968, S. 220—224.

Распад единой родовой общины на отдельные семьи, по нашему мнению, был причиной того, что в Деревяницах в конце X в. стала возможна нивелировка родовой усыпальницы-сопки. Естественно, определенную роль при этом играли и местные топографические условия.

достигает 1.5—1.8 м, обычная ширина — 0.6—0.7 м. Часто по углам их встречались большие кованые гвозди. Сказать что-нибудь более конкретное о конструкции гробов невозможно. Только в одном случае (погр. 103) мы имеем дело несомненно с остатками долбленой колоды. Это доказывается наличием среди древесного гниа около пог погребенного железных скреп, послуживших для ликвидации трещины, возникшей в процессе изготовления колоды. Появление гробов относится уже к XI в. (погребения 32, 114 и др.). Среди безынвентарных погребений этот элемент погребальной обрядности встречается несколько чаще.

Характерной чертой погребального обряда Деревяницкого могильника является наличие двойных захоронений, представляющих собой, очевидно, погребения ближайших родственников. В этих случаях умерших через какой-то промежуток времени хоронили в ту же яму (погребения 78 и 79, 89 и 90), в результате их останки и сопровождающий инвентарь оказывались перемешанными. В обоих приведенных здесь случаях совместно находились мужское и женское захоронения. Очевидно, в данном контексте следует рассматривать и ряд погребений, хотя и совершенных не в одной яме, по располагавшихся в непосредственной близости, строго параллельно один другому (погребения 27 и 28, 111 и 114 и др.). Данный обычай был широко распространен в XI в.

Все погребенные лежали на спине. Положение рук ввиду плохой сохранности костей прослеживается далеко не всегда, хотя зафиксированы различные варианты. Наиболее часто руки были сложены на груди, реже — на тазу, иногда они были согнуты в локтях так, что кисти находились у плечей.

Ориентация погребенных в Деревяницком могильнике различна, хотя она варьируется в пределах западной половины горизонта. При этом диапазон отклонений от линии запад—восток в ту и другую стороны составлял почти 90°. Характер отклонений изменяется во времени.

В XI в., как это показывают погребения I группы, ориентировка обладала наибольшей неустойчивостью, причем преобладало отклонение от линии запад—восток в южную сторону (50% всех погребений этой группы). В первой половине XII в. (III группа) положение коренным образом меняется. В этот период начинает преобладать северо-западная ориентировка. У более поздних, безынвентарных погребений она уже абсолютно доминирует (88%).

Если для раннего периода, характеризующегося наибольшей неустойчивостью ориентировки, вполне вероятным объяснением может быть признание ориентации погребенных на фактический заход солнца в зависимости от времени года, то позднее определяющими становятся какие-то другие факторы. Достаточная корреляция стабильности ориентировки с безынвентарностью погребений позволяет предположить, что оба этих явления были вызваны одной причиной. Единственным достоверным, на наш взгляд, объяснением здесь может быть влияние христианства. При

этом непосредственной причиной для стабилизации ориентировки (что важно даже не всегда чисто западной²⁸), явилось наличие на территории могильников постоянных ориентиров, какими могли быть церкви или часовни. Обычность же отклонений от линии запад—восток в ориентировке церковей отмечалась в археологической литературе.²⁹

На любопытную особенность погребального обряда Деревяницкого могильника указывают развалы керамики, неоднократно встречавшиеся за пределами могильных ям, безусловно вне связи с конкретными погребениями. Наибольшее распространение этот обычай имел в XI в., но, судя по развалу в кв. 53 раскопа II, существовал и в XII в. Для позднего периода, связанного с безы Inventарными погребениями, он не отмечен. Аналогичное явление было зафиксировано и для Федовского могильника.³⁰ Скорее всего здесь мы имеем дело со следами погребальных триз.

Вещевые находки из Деревяницкого могильника принадлежат главным образом к общерусским типам XI—XII вв., но наряду с этим здесь отразилось и региональное своеобразие, свойственное памятникам данной эпохи на территории Новгородской земли. Особенностью рассматриваемого памятника является большее, чем обычно, количество изделий городского происхождения (бусиных и ажурных височных колец, полых серебряных бус с зернью и сканью, фрагментов золотного шитья и др.), что совершенно естественно, если принять во внимание его географическую близость к Новгороду (рис. 5). Однако сквозь вуаль городского влияния местные культурные традиции населения, оставившего Деревяницкий могильник, прослеживаются достаточно отчетливо.

Наиболее ярким выразителем культурных традиций является женский костюм с сопутствующим ему набором украшений. Поэтому мы попытаемся дать реконструкцию этого набора как на материале ряда богатых погребений, где он представлен полностью (рис. 3, 4), так и с привлечением комплексов, где его отдельные элементы представлены в разрозненном виде.

Отчетливей всего этнографические особенности на восточнославянской территории в XI—XII вв. проявляются в головном уборе, что находит свое отражение в различных типах височных колец, характерных для разных регионов.³¹ Окрестности Новго-

---

²⁸ Так, в Шелгуповском могильнике на Ловати, на исследованном участке, где захоронения начали совершать в XII—XIII в., почти все погребенные — более 60 — были похоронены головами на юго-запад. См.: *Конецкий В. Я.* Отчет о работах Новгородского музея в 1979 г. — Архив ИА АН СССР.

²⁹ *Раппопорт П. А.* Ориентация древнерусских церковей. — КСИА, 1974, № 139, с. 43—48; *Гаряев Р. М.* К вопросу об ориентации русских церковей. — КСИА, 1978, № 155, с. 40—44.

³⁰ *Ширинский-Шижматов А. А.* Федовский могильник. — Труды второго обл. археол. съезда, Тверь, 1906, с. 56.

³¹ *Спицын А. А.* Расселение древнерусских племен по археологическим данным. — ЖМНП, 1899, вып. 8, с. 317; *Арциховский А. В.* Курганы вятичей. М., 1930.

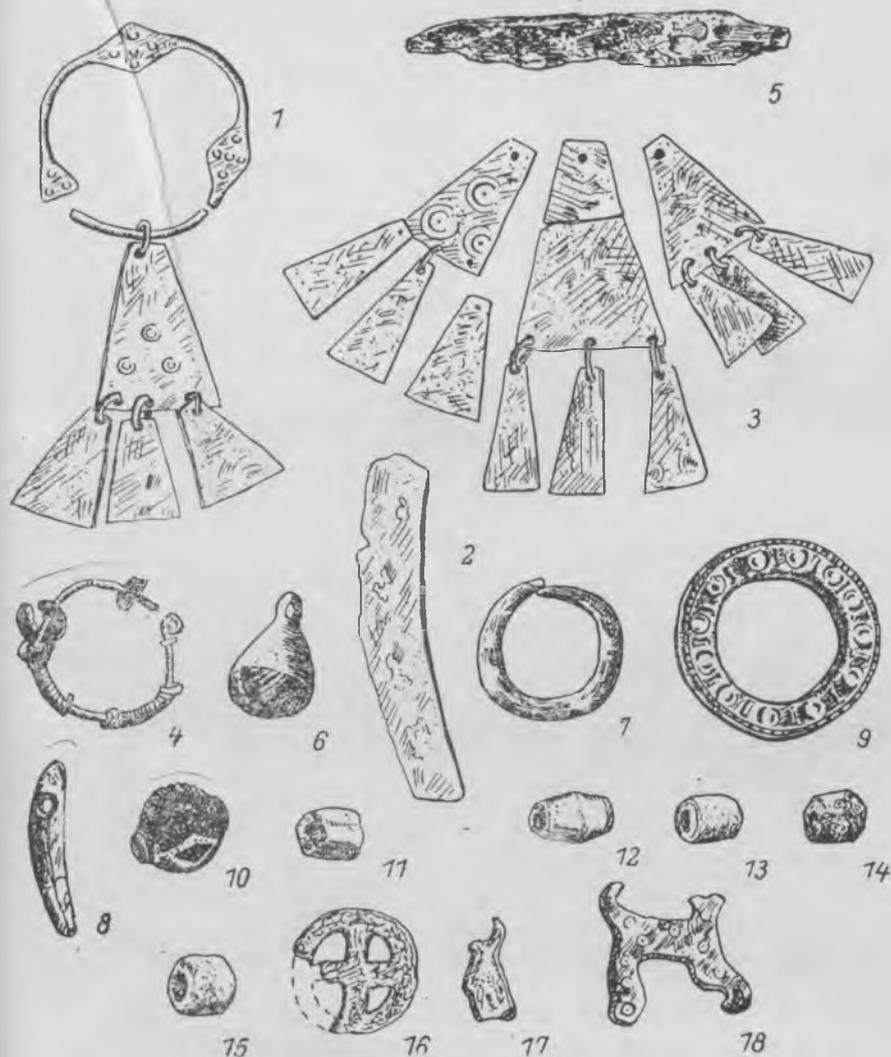

Рис. 3. Находки из погр. 32.

1—2, 4, 7, 10 — серебро; 3, 6, 9, 18 — бронза; 5 — железо; 8 — кость; 11—15 — стекло; 16—17 — оловянистый сплав.

рода входят в зону распространения ромбоштитковых колец. Эти украшения встречены в 14 погребениях Деревяницкого могильника. Все они относятся к типу щитковоконечных. Число щитков колеблется от двух до пяти. Их форма чаще всего характеризуется несколько скругленными углами. Орнамент — исключительно из кружков, нанесенных пуансоном, обычно в сочетании с ромбической рамкой. Так называемая «классическая форма ор-

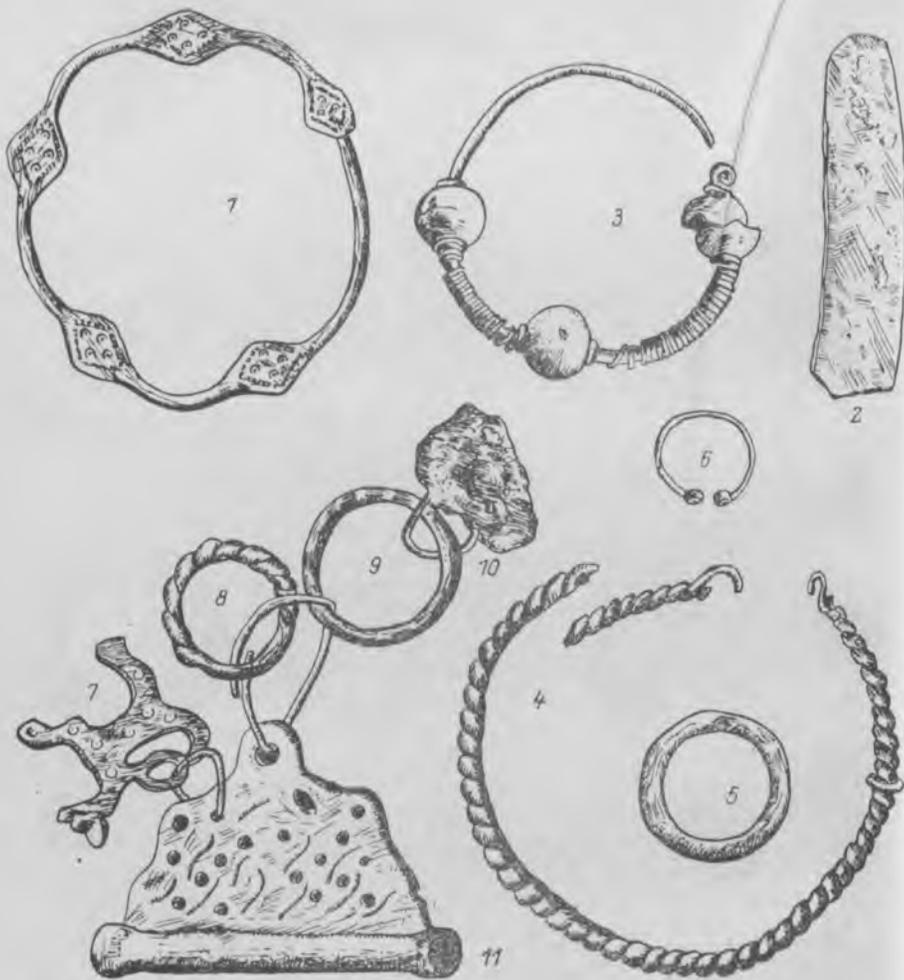

Рис. 4. Находки из погр. 10.

1, 4, 16—18, 20 — серебро; 5—14, 21 — бронза; 15 — железо, кость; 19, 22—25 — стекло.

наментации»,³² более всего известная по материалам курганов Ижорского плато, здесь полностью отсутствует.

Ромбоцитковые кольца в 7 погребениях встречались вместе с проволочными перстнеобразными и бусинными височными кольцами. Отмечены бесспорные случаи, когда к ромбоцитковым и перстнеобразным кольцам были прикреплены бронзовые трапециевидные привески. Что касается способа ношения ромбоцитковых и других височных колец, то данные для решения этого

³² Левашова В. П. Височные кольца, с. 24.

Рис. 4. Продолжение

вопроса на материалах Деревяницкого могильника отсутствуют в первую очередь из-за рыхлого песчаного грунта могильника, в котором плохо сохраняется органика. Единственное исключение составляет погр. 74, где маленькие одно- и двухщитковые кольца крепились на ремешковую основу.

В состав головного убора входили и очелья, изготовленные из тонкой серебряной ленты, встреченные в погребениях 10 и 32. Такие украшения широко использовались на восточнославянской территории.³³

Шейные украшения представлены обычно ожерельями из различных бус, среди которых в погребениях с ромбоцитковыми кольцами преобладают золотостеклянные. Другой тип, встречающийся несколько реже, — мозаичные многогранные бусы. Остальные типы представлены единичными находками.

Среди нагрудных украшений прежде всего обращают на себя внимание цепочки, на которые обычно крепились привески. Цепочки зафиксированы в 7 погребениях, причем в трех случаях совместно с ромбоцитковыми кольцами. Однако в действитель-

³³ Левашова В. П. Венчики женского головного убора из курганов X—XII вв. — В кн.: Славяне и Русь. М., 1968, с. 91—97.

1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

11

12

13

14

15

16

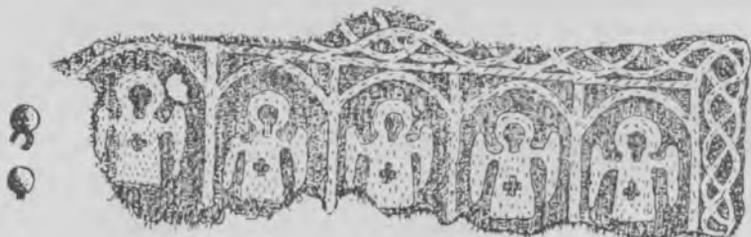
17

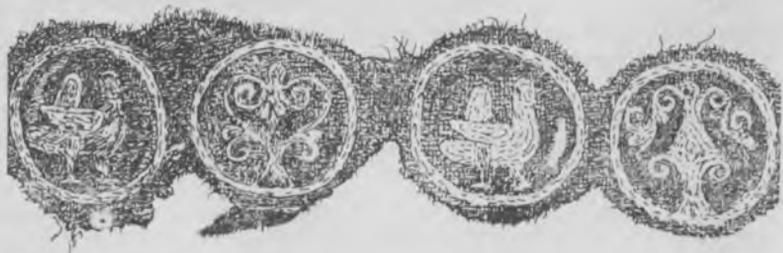
19

18

20

21

пости они могли быть распространены чаще, поскольку в двух случаях цепочки найдены в разрушенных погребениях.

Во всех случаях, кроме погр. 55, где найден бронзовый экземпляр, они были изготовлены из железа. Плохая сохранность железных цепочек затрудняет определение способа их ношения. Все же не приходится сомневаться, что, как и на памятниках смежных территорий, такие цепочки прикреплялись либо к одежде на груди, либо к поясу.³⁴

В качестве привесок использовались шарообразные и грушевидные бубенчики, плоские зооморфные и трапециевидные привески, миниатюрные ложечки.

Привески-амулеты прикреплялись и к игольникам, которые могли выполнять функции цедедержателей. Так, в погр. 10 один из концов цепочки был соединен с игольником «ливского типа», к которому в свою очередь были подвешены плоский конек и рубчатый перстень. В погр. 74 к горизонтальному игольнику, найденному около правого плеча, были прикреплены фибула, крестик и клык животного.

В трех богатых погребениях с ромбоцитковыми кольцами на поясе погребенных найдены ножи.

Перстни и браслеты в данной группе погребений встречаются редко. Перстень, употребленный по его прямой функции, зафиксирован лишь в погр. 32. Витой, с завязанными концами браслет найден в погр. 10.

Таким образом, в составе традиционного женского убора XI—первой половины XII в. на рассматриваемом памятнике выделены два основных компонента: украшения головного убора, главное место среди которых занимают ромбоцитковые височные кольца, и комплекс поясных или нагрудных украшений, состоящий из цепочки и привесок-амулетов. Ареалы обоих компонентов охватывают северные земли восточнославянской территории.³⁵ Правда, внутри этого обширного пространства ромбоцитковые кольца встречаются неравномерно: кое-где их нет, в некоторых других районах они составляют небольшой процент среди височных колец иных типов. Кроме того, ромбоцитковые кольца Смоленской земли и отчасти Поволжья имели конструктивные отличия от новгородских: первые были завязанноконечными, а вторые — щитковоконечными,³⁶ что позволяет предполагать различные типы головных уборов. Поэтому при поисках аналогий

³⁴ Успенская А. В. Нагрудные и поясные привески, с. 91; Малъм В. А., Фехтер М. В. Привески-бубенчики, с. 139.

³⁵ Успенская А. В. Нагрудные и поясные привески, с. 101; Левашова В. П. Височные кольца, с. 8—12.

³⁶ Там же, с. 24.

Рис. 5. Находки из погр. 12 (1—19), образцы золотного шитья из погребений 65 (20) и 83 (21).

1—10 — серебро; 11—17, 19 — стекло; 18 — железо; 20—21 — ткань.

женскому убору Деревяницкого могильника нас прежде всего интересует территория Новгородской земли.

Наиболее подходящими для сравнения являются древности северо-западных земель Великого Новгорода — Восточного Причудья, где весьма отчетливо представлены комплексы, синхронные Деревяницкому могильнику.³⁷

Реконструкция женского костюма для этой территории была предпринята Н. В. Хвоцинской. В состав убора, по данным могильника Калихновщина, типичного для Причудья, входят ромбоцитковые или проволочные кольца с трапецевидными привесками, бусы, шейные гривны, нагрудные цепочки с привесками-амулетами, фибулы, перстни, браслеты.³⁸ Нетрудно заметить, что перечисленный набор украшений полностью включает в себя более скромный комплекс украшений Деревяницкого могильника. При этом заслуживает внимания обстоятельство, что практически все элементы, различающие уборы женщины Деревяниц и Калихновщины, были общими для Калихновщины и Залахтовья — памятника, в основе своей оставленного финно-угорским населением.³⁹ Здесь полностью подтверждается мнение Л. Нидерле, что в славянских землях «роскошные одежды и украшения развились лишь там, где славяне соприкасались с соседними народами».⁴⁰ Действительно, такие особенности состава металлических украшений из Деревяницкого могильника, как полное отсутствие гривен, лишь единичные находки браслетов, невольно вызывают ассоциации с погребальными древностями коренных славянских территорий — с территориями юго-западных восточнославянских племен.⁴¹

Важным показателем для этнической характеристики населения окрестностей Новгорода является отсутствие в погребениях Деревяницкого могильника застежек-фибул, за исключением упомянутого ранее случая, когда фибула была использована не по своему прямому назначению. В отличие от украшений фибулы конструктивно связаны с одеждой и отражают ее определенный покрой. В пределах Новгородской земли тип женской одежды, который предполагает использование фибул, считается характерным для финно-угорского населения. Как полагает Л. А. Голубева, фибулы в славянских погребениях встречаются «чрезвычайно редко и там, где славянское и финское население жило чересполосно».⁴² Подобной точки зрения придерживаются и другие исследователи.⁴³

³⁷ Хвоцинская Н. В. Западные районы Новгородской земли в начале II тыс. н. э.: Автореф. канд. дис. Л., 1978, с. 8.

³⁸ Хвоцинская Н. В. Население восточного побережья Чудского озера. — КСИА, 1976, № 146, с. 18—23.

³⁹ Там же, с. 19—20.

⁴⁰ Нидерле Л. Славянские древности. М., 1956, с. 242.

⁴¹ Русанова И. П. Курганы полян X—XII вв. М., 1966 (САИ; Вып. Е1-55).

⁴² Голубева Л. А. Весь и славяне на Белом озере. М., 1973, с. 35.

⁴³ Мальм В. А. Подковообразные и кольцевидные застежки-фибулы. — В кн.: Очерки по истории русской деревни X—XIII в. М., 1967, с. 150.

С учетом всего этого традиционный убор женщины Деревяниц можно считать своего рода эталоном славянского убора в западной части Новгородской земли. Данный вывод представляется вполне убедительным, если учесть расположение Деревяницкого могильника в одном из важнейших центров славянского расселения Северо-Запада.⁴⁴

Время сложения рассматриваемого убора определяется прежде всего временем появления ромбоцитковых височных колец, поскольку именно они в конечном счете обуславливают специфику набора украшений, свойственного Северо-Западу. К сожалению, вопрос этот не так прост, как представляется на первый взгляд. Дело здесь в том, что существующие в настоящее время типология и хронология ромбоцитковых колец требуют серьезных уточнений, главным образом для ранних типов. Предложенная впервые А. А. Спицыным схема развития этих украшений на материале курганов Ижорского плато⁴⁵ предполагала, что наиболее ранними являются кольца с орнаментом «классического типа». Дальнейшее же развитие, по его мнению, шло по линии упрощения орнамента.

Признание «классических» колец типологически наиболее ранними при отсутствии разработанной общей хронологии женских украшений привело к тому, что они были датированы XI в.⁴⁶ Дальнейшее включение в данную схему материалов из курганов Причудья, где имелаась масса комплексов, более ранних, чем на Ижорском плато, и содержащих ромбоцитковые кольца с кружковым орнаментом, т. е. типологически более простых, по мнению А. А. Спицына, появились лишь в XII в., усилило возникшую путаницу.

Единственное с тех пор специальное обращение к данной теме было предпринято В. П. Левашовой. Исследовательница сохранила схему А. А. Спицына, однако была вынуждена признать, что кольца с простым кружковым орнаментом появляются уже в конце XI в.⁴⁷

Между тем ознакомление с конкретными материалами вызывает серьезные возражения в адрес схемы А. А. Спицына. Частая встречаемость «классических» колец с типами вещей, бытующими только после XI в., и отсутствие таких находок в бесспорных комплексах XI в. ставят датировки, предложенные А. А. Спицыным, под сомнение. Так, судя по материалам, полученным Л. К. Ивановским и В. П. Глазовым и опубликованным А. А. Спицыным из 27 комплексов, в которых найдены ромбоцитковые

---

⁴⁴ Носов Е. П. Поселения Приильмья и Поволховья в конце I тыс. н. э.: Автореф. канд. дис. М., 1977, с. 14—15, 22—23.

⁴⁵ Спицын А. А. 1) Курганы С.-Петербургской губернии..., с. 12—13; 2) Гдовские курганы..., с. 19.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Левашова В. П. Височные кольца, с. 42.

кольца с орнаментом «классического» типа на крупных щитках,⁴⁸ в 17 встречены витые обрубленно конечные браслеты XII—XIII вв.⁴⁹ Для подобных же колец со щитками, меньшими по размерам, это соотношение будет 24 к 8. В комплексах с «классическими» кольцами нередки и другие украшения, известные главным образом с XII в.: шарообразные бубенчики, рубчатые перстни и др.

Единственный комплекс с монетой XI в., на основании которого для «классических» колец приписывается XI в. (курган 12 могильника Озера⁵⁰), на самом деле содержит иной тип этих украшений — с простым кружковым орнаментом в сочетании с пунктирным крестом (ГИМ, инв. № 35322, 33/446). Иными словами, основания для датировки рассматриваемой категории ромбощитковых колец XI в. отсутствуют.

В то же время кольца с простым кружковым орнаментом⁵¹ в 4 комплексах из 9 сопровождалась монетами XI в.⁵² В тех случаях, когда в древнерусских монетных кладах были найдены ромбощитковые кольца, они принадлежали к этому же типу.⁵³ Все это позволяет считать, что ромбощитковые кольца с простым орнаментом появились раньше, чем с «классическим». Естественно, мы вовсе не отрицаем сосуществования обоих типов в течение какого-то отрезка времени.

Таким образом, непонятные на первый взгляд состав и датировка ромбощитковых колец Деревяницкого могильника оказываются вполне объяснимыми. Более того, именно на этом памятнике встречены ромбощитковые кольца, стоящие ближе всего к обычным проволочным кольцам и могущие поэтому рассматриваться в качестве типологически наиболее ранних. Они найдены в погребениях 42, 89, 116 и в качестве подъемного материала. Данный тип характеризуется средним диаметром (3—4 см), большей, чем обычно, толщиной проволоки, маленькими округлыми щитками, число которых, как правило, равно трем, украшенными кружковым орнаментом.

В погребениях 89 и 42 эти кольца найдены вместе с монетами (соответственно с обрезком дирхема и депарием). Одна находка подобного кольца известна и в Гдовских курганах (Калихновщина, курган 1), также совместно с монетой XI в.⁵⁴ Характеризуя этот экземпляр, А. А. Спицын указывал, что в данном случае «щитки висячего кольца почти одной толщины с дротом».⁵⁵ В целом же такие кольца изредка встречаются на огромной тер-

⁴⁸ Спицын А. А. Курганы С.-Петербургской губернии..., табл. 1, 16.

⁴⁹ Седова М. В. Ювелирное производство древнего Новгорода, с. 248.

⁵⁰ Левашова В. П. Височные кольца, с. 42.

⁵¹ Спицын А. А. Гдовские курганы..., табл. XX, 8.

⁵² Там же, с. 47 и др.

⁵³ Корзухина Г. Ф. Русские клады XI—XIII вв. М.; Л., 1954, клады 51, 56, 63.

⁵⁴ Спицын А. А. Гдовские курганы..., с. 96—97, табл. XX, 7.

⁵⁵ Там же, с. 47.

ритории от Скандинавии до окрестностей Суздаля в богатых погребальных комплексах иликладах XI в.⁵⁶

Оставляя в стороне вопрос об увязке простейших ромбоцитковых колец с летописными древнерусскими племенами, отметим лишь, что наиболее вероятная дата появления их в Деревяницком могильнике — середина XI в. С этого времени и начинает складываться рассматренный выше традиционный убор.

Данное обстоятельство делает необходимым анализ ранних вещевых комплексов женских погребений, не содержащих височных колец и претендующих на роль наиболее ранних в Деревяницком могильнике. Прежде всего здесь заслуживают внимания погребения 7, 11, 115. Характерная их особенность состоит в том, что они сопровождалась лишь бусами (металлические украшения в уборе отсутствовали, за исключением привесок-дирхемов в погр. 115). Общая деталь для погребений 7 и 115 — железные ключи у пояса, более в женских погребениях Деревяницкого могильника не встреченные.

При уточнении датировки данных погребений в рамках XI в. значение имеет не только вещевой материал, но и косвенные аргументы. Так, погр. 7 находилось в центре могильника (другие погребения вокруг него не сохранились). Такое местоположение позволяет видеть в нем одно из наиболее ранних погребений по обряду труположения в Деревяницком могильнике. Этому не противоречит и погребальный инвентарь, представленный синей двойной и красными зонными бусами, которые датируются X—XI вв.⁵⁷ К тому же времени относится и ключ для деревянного замка.⁵⁸ Погр. 9 находилось под погр. 10, имеющим узкую дату — рубеж XI—XII вв. Данное обстоятельство позволяет предполагать временем возникновения погр. 9 первую половину XI в. В погр. 115 сопровождающий инвентарь безусловно датируется первой половиной XI в. (лимонки полосатые, желтые одинарные и двойные).⁵⁹

Характер женских украшений до сложения традиционного убора выявляется и на других памятниках. Показательны материалы Федовского могильника, где в погр. 1 встречен набор бус XI в. в сопровождении 7 привесок-дирхемов.

Однако влияние Новгорода, который уже в X в. был крупным городским центром, не могло не сказаться на составе украшений Деревяницкого могильника. Очень рано появляются, например, такие изделия городских ювелиров, как бусинные височные кольца, встреченные в 10 погребениях. Абсолютное большинство из них составляют трехбусинные гладкие, которые можно разделить на большие (диаметр 4—5 см) и малые (2—2.5 см). И те

⁵⁶ Спичин А. А. Белогостицкий клад. — ЗРАО, 1897, т. VII, вып. 2, с. 157; Stenberger M. Vorgeschichte Schwedens. Berlin, 1977, S. 425, Abb. 281.

⁵⁷ Шапова Ю. Л. Стекланные бусы древнего Новгорода, с. 173—175.

⁵⁸ Колчин Б. А. Железодельательное ремесло Новгорода Великого, с. 94.

⁵⁹ Шапова Ю. Л. Стекланные бусы древнего Новгорода, с. 173—175.

и другие присутствуют в 5 комплексах. Все найденные экземпляры, за исключением одного с медными бусами, серебряные. Известны также однобусиные кольца с зернью, одно из которых найдено в погребении, а другое — в качестве подъемного материала.

Бусиные кольца, являясь богатым и популярным украшением, входят иногда и в состав комплексов, содержащих предметы традиционного убора, порой лишь по одному экземпляру на погребение. Вместе с ромбоцитковыми кольцами они найдены в четырех погребениях. Тем не менее можно говорить об особом типе убора, возникшего на основе украшений городского производства, — убора, в котором бусиные кольца занимали ведущую роль. Он был характерен для представительниц зажиточной части населения. Именно в сочетании с бусиными кольцами найдена основная масса монет-привесок, причем число их в каждом погребении обычно равнялось трем, что, видимо, имело определенный смысл.

В шести комплексах с бусиными кольцами встречены полые серебряные бусы с зернью и сканью. Из этой же группы погребений происходят два серебряных перстня: один с массивным орнаментированным щитком, другой — украшенный крупной зернью. В наиболее чистом виде этот тип убора можно видеть в погребениях 12, 14, 20, 110, 114. Особенно интересным является погр. 12, богатству и изощренности украшений которого трудно найти аналогии. Помимо малых трехбусиных колец с позолоченными бусами, здесь найдено ажурное височное кольцо. Полые серебряные бусы с зернью и сканью представлены шестью типами. В подобном же стиле выполнен уже упоминавшийся перстень с зернью. Кроме того, имелось большое количество стеклянных и пастовых бус и железный ожг (рис. 5). Трудно говорить определенно о стоимости такого убора, но, судя по всему, женщина, носившая его, принадлежала к знати.

Все же различие между традиционным и «городским» уборами проходит не только по линии «бедность—богатство», если учесть количество серебра, использованного для украшений в наиболее богатых комплексах первого типа. Говоря о традиционном уборе, нельзя не подчеркнуть языческую символику входящих в него украшений. И привески-амулеты, и, возможно, сами ромбоцитковые кольца имели магический смысл.⁶⁰ Тем более не случайны находки в погребениях привесок из клыков животных (погребения 32, 74) или каменного топорика (погр. 109), эстетические функции которых явно отодвинуты на задний план. Ничего этого нет в комплексах «городского типа».

Характеризуя два направления древнерусского искусства, Б. А. Рыбаков противопоставил пародное искусство, уходящее корнями в языческую древность, «городскому», которое «тянуло нити своих связей вширь».⁶¹ Очевидно, это обстоятельство обус-

⁶⁰ Рыбаков Б. А. Русское прикладное искусство. Л., 1971, с. 16—26.

⁶¹ Там же, с. 6.

ловило для ювелирных изделий городского производства раннее начало размежевания эстетических и религиозных функций. Видимо, поэтому на материалах «городских» погребений Деревяницкого могильника не отразилось не только язычество, но и христианство. Скорее даже наоборот. Все, правда немногочисленные, находки крестиков с большим основанием могут быть поставлены в связь с традиционным убором. Они найдены вместе с бронзовым бубенчиком и остатками поясной цепочки (погр. 94) или среди ожерелья из бус (погр. 76). Невозможно с уверенностью говорить об их функциях в данных случаях, но вполне вероятно, что они, по крайней мере отчасти, служили как украшение. Особенно показательны погр. 74, где, как уже упоминалось, к одной фибуле были прикреплены крестик и языческий амулет — клык животного, что свидетельствует отнюдь не о главенствующей роли христианской идеологии. Иными словами, и функциональное использование, и количество крестиков позволяют говорить о незначительной роли христианства в погребальном обряде XI—начала XII в.

Все же новая религия постепенно одерживала верх. В рамках XII в., судя по материалам могильника, происходят существенные перемены. За этот период в погребениях совершенно исчезает вещевой материал. Данный процесс не был локальным, он охватывал значительные территории в центральных районах Новгородской земли, что отчетливо видно на примере Федовского могильника, где наблюдается точно такая же динамика исчезновения погребального инвентаря.⁶²

Параллельно с исчезновением в погребениях украшений и бытовых предметов в XII в. наблюдается процесс появления новых общерусских элементов в женском уборе. Это выразилось в широком распространении ранее неизвестного типа женской одежды, характеризующейся стоячим воротником на жесткой основе.⁶³ Обычно в погребениях от них сохраняются фрагменты шелковой ткани, часто украшенной золотым шитьем, остатки кожи или бересты, служившие в качестве подкладки, и бронзовые пуговицы. Подобные находки отмечались по всей территории Древней Руси, как на городских, так и на сельских кладбищах.⁶⁴ М. А. Сабурова видит в одежде со стоячими воротниками один из истоков русского костюма XV—XIX вв.⁶⁵

⁶² *Конечкий В. Я.* Хропология и этапы формирования Федовского могильника, с. 94.

⁶³ *Новицька М. О.* Гаптування в Київській Русі. — *Археологія* (Київ), 1965, № 18, с. 24.

⁶⁴ *Феллер М. В.* Золотное шитье Владимиро-Суздальской Руси. — В кн.: *Средневековая Русь*. М., 1976, с. 222—225; *Недошивина И. Г.* Курганный могильник у дер. Маклаково. — В кн.: *Археология Рязанской земли*. М., 1974, с. 213—215; *Седова М. В.* Раскопки в Суздале. — *Археол. открытия* 1979 г. М., 1980, с. 75; *Глазов В. П.* Отчет о раскопках, произведенных в Псковской губ. в 1901 и 1902 гг. — *ЗОРСА*, 1903, т. 5, вып. 1, с. 50, 62 и др.

⁶⁵ *Сабурова М. А.* Стоячие воротники и ожерелки в древнерусской одежде. — В кн.: *Средневековая Русь*. М., 1976, с. 229.

В Деревяницком могильнике находки, связанные с этим элементом одежды, зафиксированы в 12 погребениях. Наиболее сохранные фрагменты шитья встречены в погребениях 65 и 83. В обоих случаях воротники представляли собой ленту шириной около 4 см и длиной 30—40 см, на которой хорошо сохранился рисунок вышивки, выполненной в обычной для Древней Руси технике «в прокол».

На экземпляре из погр. 65 представлены поясные изображения ангелов, находящиеся внутри арок. По краям ленты идет сложный плетеный орнамент (рис. 5, 20). Воротник из погр. 83 украшен чередующимися, помещенными в круги изображениями «древа жизни» и птиц, подобных изображениям на колтах. Наблюдаемый диапазон сюжетов свидетельствует скорее в пользу того, что для современников и создателей шитья на первый план выступали чисто эстетические функции этих изображений.

Деревяницкий могильник в окрестностях Новгорода является первым погребальным памятником древнерусского времени, на котором проводились значительные археологические исследования. Получена возможность представить облик культуры, вырастающей на основе мощного пласта древностей предшествующей эпохи, известного по сопкам и поселениям с керамикой «ладожского типа».⁶⁶

Будучи самым крупным из известных ныне древнерусских грунтовых могильников Новгородской земли, Деревяницкий могильник дает важные материалы для изучения этого типа памятников. Так, значительно расширяются представления о связи грунтовых могильников с памятниками предшествовавшей эпохи — сопками. Расположение грунтовых погребений на остатках предварительно сивелированной сопки еще раз подчеркивает преемственность населения, оставившего эти памятники.

Вместе с тем факт разрушения насыпи указывает на распад общины, соорудившей сопку. Это подтверждается и наличием на могильнике обособленных друг от друга сгустков погребений XI—начала XII в.

Анализ традиционного женского убора населения, оставившего Деревяницкий могильник, показывает, что данный тип является одним из вариантов славянского убора на Северо-Западе в наиболее чистом виде. Это важно как для характеристики населения новгородской округи в XI—XII вв., так и для этнической атрибуции памятников предшествующего времени.

Соотношение комплексов, в которых представлены изделия традиционного ремесла и городского ювелирного производства, характеризует связи города с ближайшей округой и, видимо, в какой-то степени отражает социальный состав жителей этого пригородного поселка.

Характер погребального инвентаря показывает, что успехи христианства в XI—начале XII в. были весьма ограничены. Пе-

⁶⁶ Носов Е. Н. Поселения Приильменя и Поволховья..., с. 21—24.

релом пастушил в рамках XII в., когда в погребениях практически исчезает вещевой материал. В это же время наблюдается стабилизация ориентации погребенных.

Материалы Деревяницкого могильника имеют значение и для решения проблем собственно новгородской истории. Так, можно делать вполне определенные предположения о характере древнейшего Новгородского некрополя, остающемся неясным для исследователей.⁶⁷ Наличие в ближайших окрестностях города грунтовых могильников — Деревяницкого и Нередицкого — указывает на то, что и городские некрополи скорее всего были бескуражными.

Еще более важно, что Деревяницкий могильник является несомненно некрополем одного из пригородных боярских сел,⁶⁸ тех, которые составляли основу богатства новгородских бояр. Однако окончательное решение этого вопроса будет возможно лишь после исследований селища, примыкающего к могильнику.

---

⁶⁷ Янин В. Л., Колчин Б. А. Итоги и перспективы Новгородской археологии. — В кн.: Археологическое изучение Новгорода. М., 1978, с. 43; Янин В. Л. Таинственное средневековье. — В кн.: У древних стен, у Ильмень-озера. М., 1980, с. 547—549.

⁶⁸ В Новгородской Второй летописи под 1572 г. сообщается, что в связи с эпидемией в Новгороде умерших было приказано возить «на деревню на Водопьяново за шесть верст по Волхову вниз, Спасского монастыря Хутынского не доезжаячи за версту». Имеются основания для отождествления данного пункта с рассматриваемым здесь комплексом памятников. В пользу этого свидетельствует название озера Водопьяновского на плане конца XVIII в. на участке, непосредственно примыкающем к территории могильника. Локализация д. Водопьяново около этого озера, но ближе к Хутыни, невозможна, поскольку данный участок представляет собой пологий берег, значительно затопляемый в половодье, отрезанный к тому же от русла Волхова непроходимой болотистой поймой. При археологическом обследовании этой территории никаких остатков древнего поселения не обнаружено. Кроме того, рассматриваемый пункт был наиболее удобен для устройства морового кладбища, поскольку здесь имелся заброшенный могильник. Была ли д. Водопьяново в данный период обитаема, сказать трудно. Во всяком случае под термином «деревня» в интересующую нас эпоху могли понимать не только населенный пункт, но и нежилое место, где возделывали пашню.